

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

18+ Вез границ

ЕВРОПА. ГДЕ ТЫ МОЙ РАЙ?

15 лет путешествий по обмену домами по всем континентам

ТАТЬЯНА ЕРМАКОВА

Первая в мире серия книг о реальной жизни
в путешествиях через обмен домами.

Татьяна Ермакова

Без границ. Европа.

Где ты, мой рай?

<https://litres.ru/74464877>

ISBN 9785007116626

Аннотация

«ЕВРОПА. Где ты, мой рай?» — вторая книга серии «Без границ», в которой Татьяна Ермакова превращает пятнадцать лет жизни через обмен домами в глубокое исследование человека, дома и свободы. Испания, Франция, Италия и Мальта становятся не просто маршрутами, а пространством для разговора о любви, выборе, одиночестве, счастье и праве начать заново. Настоящее путешествие не заканчивается возвращением домой. Иногда именно после него человек впервые начинает понимать, куда ему хочется идти дальше.

Содержание

От редактора	5
Вступление	8
Та, кто увидела мою книгу первой	17
В поисках Эдема	31
Лето, которое не закончилось	35
Дорожка в новую жизнь	39
Мадрид	46
Когда календарь меняет судьбу	54
Дом, в котором нас вместе больше не было	63
Кто я без прошлого?	67
О чём говорит дом	71
Искусство отпускать	75
Переход. География, которая перестала быть границей	81
За следующей дверью	88
Франция, в которую невозможно не влюбиться	94
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Без границ Европа. Где ты, мой рай?

Татьяна Ермакова

© Татьяна Ермакова, 2026

ISBN 978-5-0071-1662-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От редактора

Перед вами вторая книга серии «БЕЗ ГРАНИЦ» — уникальной серии книг о жизни через обмен домами. Всё, о чём рассказывает автор, произошло на самом деле: более ста шестидесяти обменов, шестьдесят стран и сотни домов, двери которых однажды открыли совершенно незнакомые люди.

Когда мы впервые встретились с автором, мы долго говорили о будущей книге, вернее, о книгах. И довольно быстро стало ясно, что они будут совсем не про путешествия. Они про людей, ведь дом всегда говорит правду о своих хозяевах. Именно поэтому каждая поездка в этой книге оказывается историей о новой встрече.

Во второй книге становится больше стран и больше историй. Испания, Франция, Италия, Мальта — это не маршрут путешествия, а разные способы смотреть на жизнь. Где-то автор ищет дом, где-то пытается понять себя, где-то учится отпускать прошлое, а где-то просто внимательно наблюдает за людьми, потому что именно они остаются главным открытием любой дороги.

Редактор редко даёт советы читателю. Но мне очень хочется, чтобы эту книгу прочитали люди, которые давно собираются что-то изменить, хотя сами пока не знают, с чего начать. Ведь не обязательно переезжать в другую страну или отправляться в долгое путешествие, иногда достаточно раз-

решить себе посмотреть на собственную жизнь чуть иначе.

Если после последней страницы вы ненадолго отложите книгу и поймаете себя на мысли, что давно хотите сделать то, на что всё время не хватает решимости, значит, эта история была написана не зря.

Приятного чтения!

Редактор

Наталья Моженкова

Вступление

— А вы считали, сколько вообще было домов, в которых вы жили?

Этот вопрос застал меня врасплох. За пятнадцать лет мне задавали сотни вопросов: не страшно ли оставлять ключи незнакомым людям, пропадали ли вещи, встречались ли мошенники, не хотелось ли однажды всё бросить и навсегда вернуться домой. Но такого вопроса я прежде не слышала.

Я посмотрела на море, пытаюсь найти ответ где-то за линией горизонта, и неожиданно поняла, что действительно не знаю. За эти годы у меня накопилось сто шестьдесят обменов, шестьдесят стран и, наверное, сотня домов. Я почти машинально варила кофе по утрам на чужих кухнях, встречала рассветы на террасах, открывала двери, за которыми каждый раз начиналась чья-то жизнь, и это лёгкое волнение не исчезало, сколько бы ни продолжались мои путешествия.

Но сами дома я никогда не считала, потому что всё это время гораздо больше интересовалась людьми, которые в них жили. Каждый новый дом становился частью чужой судьбы, а вместе с ней понемногу менял и мою собственную. Дом всегда рассказывает о человеке гораздо больше, чем фотографии, анкеты или долгие разговоры, это видно по книгам на полках, чашке, оставленной у окна, детским рисункам на холодильнике, запаху кофе или старому креслу, которое

хозяева почему-то не захотели менять, хотя давно могли купить новое. Наверное, поэтому мне так нравится открывать двери разных домов.

В тот вечер всё вокруг словно замерло. Море успокоилось ещё до заката, волны медленно подкатывались к берегу, касались песка и так же неторопливо уходили обратно, стирая детские замки, следы босых ног и всё, что люди успели оставить после себя за день. На пляже становилось всё тише: кто-то складывал полотенце, неподалёку пара молча сидела у самой воды, словно слова были им уже не нужны, а за моей спиной нагретые за день сосны медленно отдавали вечернему воздуху терпкий смолистый запах.

Я всегда любила этот час, когда день уже закончился, вечер ещё никуда не торопил и можно было просто смотреть на море, никуда не спеша и оставаясь наедине со своими мыслями. Наверное, именно в такие вечера рядом оказывается человек, после встречи с которым жизнь незаметно меняет своё направление.

Так произошло и на этот раз. Мы встретились случайно, хотя сейчас я уже не уверена, что случайности вообще существуют. Она подошла ко мне возле деревянного настила, где люди обычно вытряхивают песок из обуви перед уходом с пляжа. В руках у меня была книга. Она скользнула по ней взглядом, улыбнулась и спросила:

— Отдыхаете здесь?

Обычный вопрос, но в её голосе чувствовалось искреннее любопытство, я почувствовала, что спрашивает она вовсе не из вежливости.

— Скорее живу, — сказала я.

Она удивлённо приподняла брови:

— Прямо тут?

— Ну, не конкретно на пляже. Просто я приезжаю надолго, на месяц, на три, как пойдет.

Она рассмеялась:

— А, тревел-блогер?

— Да бог с вами, у меня и соцсетей-то нет.

Она присмотрелась ко мне внимательнее:

— А как тогда?

— А я домами меняюсь.

Женщина несколько секунд ничего не говорила, только внимательно смотрела на меня, слегка прищурившись от вечернего солнца. Такой взгляд редко бывает случайным, обычно так смотрят люди, привыкшие задавать вопросы и замечать то, что другие пропускают.

— В смысле, меняетесь? Чужие люди пускают вас к себе в дом?

— А я их пускаю к себе. Побывала так уже в шестидесяти странах...

Она ещё несколько секунд молча смотрела на меня, а потом заинтригованно улыбнулась:

— Кажется, теперь мне действительно стало интересно.

С этой фразы всё и началось. Мы ещё не знали, что поговорим почти до самой темноты, что этот разговор станет началом не одной книги, а целой серии и что спустя годы тысячи людей будут читать эти страницы, даже не подозревая, что всё началось здесь, на почти пустом пляже, среди сосен, запаха моря и медленно уходящего солнца.

Она пошла рядом со мной и спросила:

— Расскажите?

Я снова посмотрела на море, потом на неё и ответила:

— Хорошо. Только сразу предупреждаю: рассказ будет совсем не про путешествия.

ЧАСТЬ 1

ИСПАНИЯ

В поисках себя

Та, кто увидела мою книгу первой

— Да об этом нужно писать книги, — восхищённо произнесла женщина.

Я усмехнулась, глядя на набегающую пену.

— Да, такая мечта у меня есть. Давняя... Только кому это сейчас нужно?

— Мне нужно, моей дочке нужно, многим нужно. Я, кстати, литературный редактор, знаю это не понаслышке. Уверена, что ваши книги читатели будут читать взахлёб и с нетерпением ждать новых. — Она подняла с песка гладкий камешек, несколько раз перекатила его между пальцами. — Рассказывайте, прямо с самого начала. Пойдемте пройдемся...

Мы медленно пошли вдоль кромки воды.

— Подождите, я не понимаю... Допустим, Европа, Штаты, там это в порядке вещей, менталитет другой. Но у нас? Зачем это условному человеку из Самары или Новосибирска? У нас чужака в квартиру пустить, это же стресс на три поколения вперед.

Я покачала головой.

— Ошибаетесь. Мои друзья из России этой системой пользуются активнее многих.

— Да ладно? — Она скептически прищурилась. — И прямо ездят к вам в Испанию?

— Не обязательно в Испанию. Сейчас всё проще, откры-

ваешь свой дом для кого-то, получаешь за это виртуальные баллы, а потом тратишь их где угодно, хоть на Бали, хоть в Карелии. Не нужно подстраиваться и ехать именно друг к другу.

Мы обогнули выброшенную на берег корягу. Моя новая знакомая молчала, явно примеряя схему на себя.

— У меня как-то три года суды в Москве шли, — тихо добавила я, глядя себе под ноги. — Каждый месяц летала как на каторгу, денег на гостиницы уже не оставалось. Меня эта система тогда буквально выручила.

— А сначала как, жилье снимали?

— Нет, я сразу жила в квартире у одной известной певицы. Имя не назову, она лицо медийное, но квартира на Тверской. Мы с ней так и познакомились. Она берет мои баллы и летает по ним на виллы в Таиланд, ей для съемок постоянно нужны новые локации, картинка. А я жила у неё во время заседаний.

— И как оно? В чужом-то доме? — искоса взглянула на меня она. — Стены ведь выдают человека, даже если он всё прибрал.

— Выдают, — согласилась я. — Дом всегда честнее хозяина. Зато Москву изнутри узнаешь, не ту, что из окон отеля видна. Я туда подругу Нину прошлым летом отправила, она сама из Питера, сто лет в Испании живет. Так она мне потом звонила посреди ночи, кричала в трубку: «Таня, почему ни-

кто не говорил, что Москва такая зеленая? Она же в парках просто утопает!»

— Разве в Питере парков мало? — улыбнулась женщина.

— Ну, Питер на болотах строился, там всё по-другому, в этом же и суть. Когда живешь в обычном спальном районе или даже в центре, но в жилом доме, город ощущается по-другому...

Мой будущий редактор смотрела на меня так, будто уже редактировала мой ещё не написанный рассказ.

— Хорошо. А если это не Москва? Если это глушь? Ну, условно, домик под Костромой или однушка в Калининграде?

— Совершенно неважно, — я пожала плечами. — Главное, чтобы место было кому-то интересно. Алтай, Байкал, Владивосток, да хоть деревня у реки. Люди ищут смыслы, а не квадратные метры.

— А если квартира съемная? — она прищурилась, отыскивая подвох. — Юридически как?

— Если хозяин не против и в договоре нет жёсткого запрета, то легко, это же не коммерческий найм. Деньги из рук в руки не переходят, налоговую это не интересует. Чистый обмен гостеприимством...

Моя собеседница достала телефон, несколько секунд что-то печатала, потом заблокировала экран и улыбнулась.

— Простите, — сказала она. — У редакторов есть профессиональная привычка записывать хорошую фразу сразу,

иначе потом обязательно забудешь.

И она продолжила про обмен домами:

— Всё равно мне это видится авантюрой. Понимаю, что за годы существования платформы всё давно продумано, есть проверки, отзывы, правила, но, если честно, я бы всё равно долго сомневалась. Наверное, это просто особенности характера.

Её слова вызвали у меня усмешку, как много раз я это слышала...

— И правильно. Бояться совершенно нормально. Если человек впервые сталкивается с чем-то новым, странно было бы, если бы он вообще ничего не опасался. Поэтому очень важно подробно рассказать человеку о страховках, системе отзывов, верификации участников, обо всём, что делает такие путешествия безопасными. Только вот останавливаться исключительно на этом мне всё равно не хочется, потому что очень быстро понимаешь: разговор начинает идти уже не про дома.

Женщина внимательно посмотрела на меня.

— Вот это я и пытаюсь понять с самого начала нашей прогулки. Чем дольше мы разговариваем, тем меньше я вижу, что разговор вообще про обмен домами. Складывается ощущение, что дома — это всего лишь повод поговорить совсем о другом. Видимо, именно поэтому вы возвращаетесь к страхам, хотя начинаете рассказывать о путешествиях.

На несколько секунд воцарилась тишина. Мы дошли до

места, где берег плавно уходил в сторону, а мокрый песок отражал вечернее небо почти как зеркало.

— Наверное, вы правы. Мне действительно кажется, что многие ограничения существуют только потому, что мы сами давно привыкли в них верить. Мы годами убеждаем себя, что сейчас неподходящее время, что сначала нужно решить другие проблемы, заработать больше денег, дожидаться какого-то правильного момента. А потом незаметно оказывается, что вся жизнь прошла в ожидании обстоятельств, которые так и не наступили.

Моя собеседница шла рядом, глядя себе под ноги, будто продолжала мысленно спорить с услышанным.

— Знаете, это уже похоже на главную тему книги. Не путешествия, а привычка откладывать жизнь. Думаю, читатель узнает в этом не вас, а самого себя, и именно поэтому захочет читать дальше.

Я рассмеялась.

— Вы сегодня любую мою фразу сразу примеряете к книге.

— Это профессиональная привычка. Но, если честно, дело не только в ней. Я всё время думаю о человеке, который однажды откроет ваши книги. Ему ведь совершенно не важно, сколько стран вы объехали. Его интересует совсем другое: почему ваша история может оказаться полезной именно ему.

Я понимающе кивнула.

— Именно поэтому я так долго не решаюсь писать. Мне всё время кажется, что мои путешествия интересны только мне самой. Ну что особенного? Человек ездит по миру, живёт в чужих домах, знакомится с новыми людьми. Разве этого достаточно для книги?

— Более чем достаточно, если за всеми этими поездками скрывается что-то большее. Наверняка эту книгу будут читать люди, которые устали жить по одному и тому же сценарию и давно мечтают что-то изменить, но каждый раз находят очень убедительные причины этого не делать. У одного нет денег, у другого маленькие дети, третий уверен, что уже слишком поздно, четвёртый боится языка, самолётов или неизвестности. Причины всегда разные, а результат почти всегда один и тот же, человек остаётся там, где давно не хочет быть.

Я остановилась и внимательно посмотрела на собеседницу.

— Вы сейчас говорите, как редактор или как читатель? Иногда мне кажется, что это две совершенно разные роли, и я никак не могу понять, с кем из них разговариваю.

— Думаю, сегодня с обеими сразу. Как читатель я, наверное, тоже не сразу пустила бы незнакомого человека в свой дом. Мне понадобилось бы время, чтобы разобраться, понять, привыкнуть к самой мысли. Но как редактор я совершенно уверена, что именно с этого внутреннего сопротивления и должна начинаться книга. Да, конечно, красивые фо-

тографии Бали и рассказы о виллах и бассейнах очень интересны, но простой вопрос, который человек редко задаёт самому себе, почему мне так трудно довериться незнакомому человеку и почему мысль открыть дверь собственного дома вызывает столько тревоги, намного интереснее.

Волна медленно докатилась до наших ног и почти сразу откатилась обратно, оставив на песке тонкую блестящую полосу.

— Меня очень часто спрашивают, для каких стран вообще существует HomeExchange, и каждый раз я отвечаю, что такого списка просто нет. Не существует стран, созданных для этой системы, существуют люди, готовые открыть дверь своего дома, и такие люди встречаются практически везде.

Моя будущая редактор ничего не сказала. Она снова достала телефон, открыла заметки, быстро записала несколько слов и только потом убрала его обратно.

— Ещё что-то записали? — улыбка не сходила с моего лица.

— Конечно. Я думаю, именно на этой мысли и должны держаться все книги. Осталось только написать их так, чтобы читатель поверил вам раньше, чем начнёт спорить.

Она некоторое время молчала, словно примеряя мои слова на кого-то знакомого:

— Как жаль, что книга сама по себе жизнь человеку изменить не может...

— Конечно, не может. И не должна. Я вообще не люб-

лю книги, которые обещают перевернуть мир за один вечер. Скорее, у литературы совсем другая задача. Иногда достаточно, чтобы человек просто посмотрел на свою жизнь немного под другим углом. Если после этой книги кто-то впервые решится путешествовать самостоятельно, кто-то попробует обменяться домами, а кто-то поймёт, что менять свою жизнь не поздно ни в сорок, ни в шестьдесят лет, для меня этого будет более чем достаточно. Значит, книга появилась не зря.

Она посмотрела на море, потом снова перевела взгляд на меня.

— Получается, вы хотите дать человеку не готовые ответы, а ощущение, что перемены вообще возможны?

— Наверное, именно так. Мы почему-то всё время ищем разрешение жить так, как хочется. Ждём, что кто-нибудь скажет: теперь можно. А ведь его никто никогда не даст. Если перестала радовать прежняя жизнь, значит, её можно менять. Не обязательно увольняться, разводиться или переезжать на другой конец света. Иногда достаточно просто выйти за пределы привычного маршрута, взять чемодан, поехать туда, где никогда не был, пожить несколько дней другой жизнью. Очень часто именно с таких маленьких решений всё и начинается.

Мы ещё немного прошли молча. Вечер становился прохладнее, люди уходили с пляжа, и казалось, что весь берег теперь принадлежит только нам.

— А скажите, Татьяна, — снова заговорила она, — вы представляете какого-то конкретного человека, вашего читателя? Не абстрактного, а вполне живого. Кто он? Кому вы всё это будете рассказывать?

Я задумалась.

— Прежде всего женщину. Нет, не потому, что мои книги только для женщин, а потому, что очень часто именно женщина становится человеком, который приносит в семью новые идеи. Именно она предлагает поехать в новое место, попробовать что-то непривычное, показывает детям другой мир. Мне хочется, чтобы эта женщина любила жизнь, была открыта новому, любила своих близких и хотела дарить им не вещи, а впечатления. И при этом возраст здесь совершенно не важен. Ей может быть двадцать лет, пятьдесят или шестьдесят. Более того, после шестидесяти у многих появляется гораздо больше свободы путешествовать, хотя решиться на что-то новое бывает сложнее.

— То есть вы будете писать не для молодых?

— Нет, не так... Я вообще не делю людей по возрасту, скорее по внутреннему состоянию. Есть люди, которым в двадцать лет уже ничего не интересно, а есть те, кто и в семьдесят продолжает открывать для себя мир.

Она кивнула.

— А обмен домами действительно подходит людям любого возраста? Или всё-таки это история для очень мобильных и свободных?

— Совсем нет. Помню, однажды ко мне приехал молодой человек со своей мамой, которая передвигалась на инвалидной коляске. Самым первым вопросом было вовсе не расстояние до моря и не размер бассейна. Он спросил, есть ли у меня ступеньки. Когда я ответила, что нет, он заметно успокоился. Ему хотелось подарить маме возможность путешествовать без лишних трудностей, и оказалось, что для этого было важно всего несколько бытовых деталей.

Я невольно улыбнулась, вспомнив ту поездку.

— До этого я сама жила у них по обмену, в Перпиньяне, почти на границе Франции и Испании. Хозяйка дома очень подробно показывала мне, как пользоваться стиральной машиной, хотя после ста шестидесяти обменов я уже, наверное, могу разобраться с любой техникой в любой стране мира с закрытыми глазами. Но для неё было важно, чтобы мне было удобно, и я прекрасно понимала её заботу. Пока она рассказывала про дом, её сын помогал маме собраться в дорогу, потом они приехали ко мне и несколько дней с удовольствием отдыхали у бассейна. Тогда мне стало ясно, что такие путешествия доступны самым разным людям. Нужно лишь найти место, которое подходит именно тебе.

Моя собеседница долго ничего не говорила. Потом посмотрела на меня и тихо сказала:

— Теперь я понимаю, кто ваш читатель. Это совсем не человек, который мечтает увидеть как можно больше стран. Это человек, который давно хочет что-то изменить, но всё

время откладывает.

— Наверное, так и есть, — ответила я. — И, если он уже держит мою книгу в руках, значит, возможно, время перестать откладывать наконец пришло.

Мы ещё немного прошли вдоль воды. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, но уходить никому не хотелось. Разговор перестал быть разговором о путешествиях и всё чаще возвращался к людям, которые однажды откроют эту книгу.

— Если попробовать ответить совсем коротко, — сказала она, — что вы хотите, чтобы почувствовал человек, когда закроет последнюю страницу? Не о чём подумает, а что ему захочется сделать сразу?

Я задумалась.

— Наверное, мне хочется, чтобы он не торопился закрывать книгу окончательно. Чтобы положил её рядом, нашёл ручку и хотя бы ненадолго остался наедине с собой. Мне даже пришла мысль оставить в конце несколько пустых страниц, не для красивых цитат и не для упражнений, а просто для записок. Чтобы читатель написал туда места, в которых ещё никогда не был, но всегда мечтал оказаться, а рядом то, что он давно откладывает. Иногда достаточно честно признаться себе: «Вот этого я действительно хочу, но почему-то всё время боюсь».

Она слушала молча, а потом спросила:

— Получается, вы хотите, чтобы человек после книги начал что-то планировать?

— Скорее разрешил себе планировать. Очень часто мы запрещаем себе мечтать ещё до того, как понимаем, возможно это или нет. Мы заранее отвечаем за обстоятельства, за других людей, за будущие проблемы, которых ещё даже не существует.

Она снова улыбнулась.

— И поэтому появляются списки из серии «когда-нибудь потом»?

— Именно. А это «потом» иногда так и не наступает, хотя никогда не поздно все поменять.

Я вспомнила одну историю.

— Мой сын учился в университете в Лондоне и однажды рассказал о мужчине, который поступил туда получать высшее образование в семьдесят лет. После смерти жены он получил наследство и подумал тогда: «Она всю жизнь хотела, чтобы я наконец исполнил свою мечту». Представляете? Семьдесят лет. Большинство людей в этом возрасте уже говорят не о новых планах, а о том, что всё главное осталось позади. А он сел за студенческую скамью и начал совершенно новую главу своей жизни.

Моя новая знакомая долго смотрела на море.

— Наверное, дело не в возрасте.

— Конечно, нет. Просто однажды человек оказывается внутренне готов сделать шаг, которого раньше боялся. Никакая книга не может заставить его измениться, но иногда она помогает услышать самого себя немного лучше. Если после

моей книги человек возьмёт лист бумаги и впервые честно напишет, чего ему действительно хочется, я буду очень рада за него.

Мы дошли до самого края косы, где пляж упирался в камни. Солнце ушло, море сразу потемнело, и только у самого горизонта осталась тонкая, как нить, светлая полоса.

Моя собеседница снова вытащила телефон, что-то написала там, потом развернула его ко мне.

Там была одна строчка: «Эта книга не про обмен домами. Она про тех, кто разрешил себе жить».

Я прочитала и посмотрела на неё.

— Ну вот, — она спрятала мобильный в карман. — Считайте, первую правку вы уже получили.

Мы постояли минуту, слушая, как шуршит галька под пробегающей волной.

— Знаете, что странно? — она повернулась ко мне. — Мы знакомы часа два, книги еще в помине нет, а я её уже вижу, и не одну, а целую серию...

...Мы распрощались уже в темноте. Тогда я ещё не знала, что через некоторое время именно эта случайная встреча на берегу моря станет началом не только этой книги, но и всех тех, которые появятся после неё.

В поисках Эдема

— Ну что, сынок, собираемся? Поехали домой.

Он посмотрел на меня так внимательно, будто хотел уточнить что-то очень важное.

— Домой?

— Домой, — улыбнулась я.

Он немного помолчал, а потом спросил:

— Мама..., а где наш дом?

Вопрос оказался неожиданным. Для взрослого человека ответ вроде бы очевиден, но в ту секунду я вдруг поняла, что ничего очевидного в нашей жизни давно уже нет.

— Сейчас мы едем в Испанию. Там наш дом, там твоя комната, помнишь? Там на стенах корабли великих мореплавателей, старинные карты и Христофор Колумб.

Он кивнул.

— А у папы?

— У папы тоже наш дом, в Москве.

Он снова задумался.

— А сейчас мы где живём?

— Сейчас мы живём в доме одной семьи в Вене. Мы поменялись с ними домами на время.

— Почему?

— Потому что они приехали жить в наш дом, а мы в их.

— Разве так можно?

— Ну конечно, можно.

— То есть все так живут?

Я покачала головой.

— Нет. Так живут совсем немногие, люди, которым интересно видеть мир.

Ответ его устроил. Он спокойно отвернулся к окну, а я продолжала думать о вопросе, который он задал так просто, словно речь шла о чём-то совершенно обыденном.

Где наш дом? Тогда мне казалось, что это временная путаница, неизбежная для семьи, которая много переезжает. Позже стало понятно, что вопрос оказался гораздо серьёзнее и сопровождал меня ещё много лет. За это время мы успели пожить в десятках домов, принадлежавших самым разным людям, привыкли быстро распаковывать чемоданы, находить своё место на чужой кухне, различать города не по достопримечательностям, а по тому, как в них проходит обычная жизнь.

Наверное, поэтому мне всегда была близка история об Эдеме. Если вдуматься, это первая история о доме, о месте, где человеку было спокойно. В библейском рассказе нет описания богатства или роскоши, есть только ощущение жизни, в которой не нужно каждый день справляться с тревогой, бороться за своё место или всё время что-то кому-то доказывать.

Там жили Адам и Ева. Тогда ещё не существовало границ, паспортов, виз и государств, не было деления на своих и

чужих, не было привычных нам представлений о том, что человек обязательно принадлежит какой-то стране. Был мир, который считался общим домом для людей.

Потом всё изменилось. Люди расселились по земле, появились государства, языки, границы, войны, возможность за несколько часов перелететь через океан и привычка постоянно куда-то спешить. Мир стал гораздо доступнее, но вопрос о доме никуда не исчез. Наверное, поэтому многие продолжают искать место, где чувствуют себя спокойно. Для одного таким местом становятся горы, для другого берег моря, для третьего большой город, где ему понятен ритм жизни. Иногда таким местом оказывается вовсе не страна и не дом, а человек, рядом с которым исчезает ощущение, что нужно всё время быть сильнее, успешнее или лучше, чем ты есть.

Когда родился наш сын, мы тоже начали искать место, где ему будет хорошо расти. Нам хотелось, чтобы рядом были солнце, море, чистый воздух, чтобы он чаще бывал на улице, видел деревья, а не только дома и машины. Мы выбирали не столько страну, сколько образ жизни, который казался нам более спокойным и естественным.

В какой-то момент мы решили, что нашли именно такое место. Но только позже я пойму, что найти дом и найти свой рай совсем не одно и то же.

Лето, которое не закончилось

Сначала это не было переездом...

Было лето 2010 года. Мы снова приехали в Испанию на несколько недель, как приезжали уже не раз, поэтому эта поездка ничем не отличалась от предыдущих. У нас были обратные билеты, вполне понятные сроки и ощущение временности, которое всегда сопровождает отпуск, когда никто не сомневается, что совсем скоро всё вернётся на свои места.

Со стороны наша жизнь выглядела благополучной и вполне устроенной. Бизнес спокойно развивался, вокруг было много друзей, встреч и совместных ужинов, разговоры неизменно заканчивались новыми планами, а маленький сын ещё был в том возрасте, когда весь его мир ограничивался родителями, домом и ежедневными открытиями.

Испания поначалу тоже не казалась чем-то особенным. Просто жить здесь оказалось заметно легче, хотя объяснить это одним словом было невозможно, потому что складывалось оно из множества самых обычных бытовых мелочей, на которые дома давно перестаёшь обращать внимание.

Дом стоял на ровном участке, и, чтобы выйти с ребёнком в сад, не нужно было спускаться по лестницам, переносить коляску или заранее продумывать каждое движение. Дверь открывалась прямо на лужайку, сын часто засыпал на свежем воздухе, а коляска оставалась в саду столько, сколько

ему хотелось спать, и это никого не тревожило, потому что не нужно было следить за тем, не похолодало ли, не начался ли ветер и не пора ли срочно занести ребёнка в дом.

Так же незаметно менялись и остальные привычки. Прогулка перестала быть небольшим ежедневным испытанием, во время которого сначала нужно было одеть ребёнка в несколько слоёв одежды, проверить шапку, шарф и варежки, а потом всю дорогу думать о том, не замёрз ли он. Здесь всё сводилось к тому, чтобы открыть дверь и выйти на улицу.

На рынке продавали овощи и фрукты, собранные совсем недавно, и детское пюре готовилось из продуктов, которые ещё утром росли неподалёку. Такая жизнь перестала восприниматься как приятная особенность отпуска и всё больше становилась похожей на обычную повседневность, в которой многие вещи происходят сами собой и не требуют постоянных усилий.

Мы прожили так несколько недель, потом задержались ещё на несколько дней, затем решили не торопиться с обратными билетами и перенесли вылет ещё на неделю. Через какое-то время подобные разговоры стали повторяться всё чаще, и вопрос о возвращении уже не обсуждался как нечто заранее определённое.

— Посмотрим ближе к концу месяца.

Через некоторое время эта фраза сменилась другой.

— Может, останемся до конца лета?

Никто не называл происходящее переездом, потому что

оно совсем не было похоже на решение, которое принимают за один вечер. Скорее это было изменение привычного порядка жизни, когда каждый следующий шаг выглядел совершенно естественным продолжением предыдущего и не требовал никаких громких заявлений.

Возвращаться становилось всё труднее, хотя дома нас ждали работа, друзья, привычная жизнь и ничего по-настоящему плохого там не происходило. Просто вместе с возвращением снова появлялось множество мелочей, которые раньше казались неизбежными: холодная погода, долгие сборы на прогулку, сезонные простуды, необходимость постоянно подстраиваться под климат, из-за которого самые обычные дела требовали гораздо больше времени и сил.

Испания, наоборот, приучала к другой жизни. Климат, устройство дня, свежие продукты, возможность почти всё время проводить на улице и отсутствие ощущения, что каждый день приходится преодолевать десятки мелких препятствий, незаметно становились новой нормой, поэтому вопрос о возвращении возникал всё реже, а вопрос о том, почему вообще нужно уезжать отсюда, наоборот, появлялся всё чаще.

Однажды мы случайно зашли в небольшую английскую частную школу неподалёку от дома. Мы ничего не планировали и оказались там скорее из любопытства, но белые стены, зелёный сад, дети разных национальностей, свободно разговаривавшие по-английски, спокойная атмосфера и ощущение

ние размеренной жизни производили впечатление на человека, который неожиданно увидел не чужое место, а один из возможных вариантов собственного будущего.

Мы вышли из школы и продолжили обычный разговор, не обсуждая никаких серьёзных решений, однако с того дня слово «эмиграция» перестало казаться чем-то далёким и неподходящим. Оно ещё не стало планом, но уже перестало быть чем-то невозможным, а этого оказалось достаточно, чтобы обратный билет утратил своё прежнее значение.

Дорожка в новую жизнь

После той экскурсии в школу мы стали приезжать туда почти каждое утро. Никаких окончательных решений к тому времени ещё не было принято, сыну был всего год, и речь шла только о том, чтобы познакомиться со школой, посмотреть, как здесь всё устроено, и понять, понравится ли ему это место. Тогда трудно было представить, что именно здесь сложится круг общения, который во многом изменит наше представление о том, какой вообще может быть жизнь.

Утром школа оживала задолго до начала занятий. Машины одна за другой подъезжали к воротам, родители выходили вместе с детьми, кто-то нёс малыша на руках, кто-то катил коляску, дети постарше важно шагали сами, крепко держась за мамину ладонь. Посреди двора шумел большой фонтан, вдоль дорожек росли высокие пальмы, и вся территория больше напоминала ухоженный парк, чем учебное заведение.

У входа нас всегда встречала директор. Она здоровалась с каждым ребёнком по имени и каким-то удивительным образом помнила не только родителей, но и множество мелочей из жизни каждой семьи.

— Доброе утро, Лукас. Как твой щенок? Уже перестал грызть тапочки?

Мальчик что-то оживлённо рассказывал, а она слушала

его так внимательно, словно больше никого вокруг не было.

Следом подошла девочка лет двух.

— София, мама сказала, что ты вчера сама собрала все игрушки. Это правда?

Девочка гордо кивнула.

— Тогда сегодня обязательно расскажешь об этом воспитательнице.

Подобные разговоры продолжались каждое утро, и становилось понятно, что дети здесь чувствуют себя спокойно не потому, что быстро привыкают к школе, а потому, что с ними разговаривают всерьёз, не отмахиваясь от их маленьких забот.

В preschool принимали малышей почти с младенчества. Конечно, они учили английские песенки, цвета и фигуры, но гораздо больше внимания уделялось совсем другим вещам: спокойно оставаться без родителей, самостоятельно есть, договариваться друг с другом, просить о помощи, ждать своей очереди и не бояться окружающего мира. Мне нравилось наблюдать за воспитателями. Никто не повышал голос, не торопил детей и не раздражался из-за слёз или капризов. Если кто-то плакал, взрослый просто садился рядом, разговаривал, обнимал, отвлекал, и через несколько минут ребёнок уже улыбался.

Когда занятия начинались, родители редко сразу расходились по домам.

— Вы сегодня тоже никуда не спешите? — однажды спросила меня женщина, с которой мы несколько дней подряд здоровались у входа.

— Пока нет.

— Тогда пойдёте с нами пить кофе. Здесь так принято.

За соседним столиком уже сидели несколько мам. Кто-то приехал на велосипеде, кто-то ещё держал в руках ключи от машины, кто-то торопливо заказывал второй капучино.

— Присоединяйтесь, — подвинула стул светловолосая женщина. — Всё равно через неделю будете знать здесь всех. Все рассмеялись.

— Вот увидите. Сначала кажется, что это просто школа, а потом выясняется, что половина жизни проходит именно здесь.

Уже через несколько минут стало понятно, что здесь знакомятся иначе. Вместо привычных вопросов о работе, должностях и успехах женщины рассказывали о детях, спрашивали друг у друга совета, смеялись над какими-то бытовыми историями, и разговор незаметно становился таким, будто все давно знакомы.

— Вы откуда?

— Из Москвы.

— Давно приехали?

— Нет, а вы?

— Мы здесь уже четвёртый год, хотя вообще-то собирались провести здесь одно лето.

— А что произошло?

Она пожала плечами.

— Да ничего особенного. Лето закончилось, а уезжать не захотелось.

Через несколько минут к разговору присоединилась ещё одна женщина.

— А мы вообще приехали на три месяца, у дочки была сильнейшая аллергия. За первую же её зиму она переболела столько раз, что врач прямо сказал: если есть возможность, попробуйте пожить в другом климате.

— Помогло?

— Настолько, что через год мы продали квартиру и купили дом здесь.

Она рассказывала об этом спокойно, словно вспоминала самый обычный жизненный эпизод. Таких историй становилось всё больше...

— Я однажды поймала себя на мысли, что уже третий отпуск подряд заканчивается одинаково. За день до вылета начиналось плохое настроение, не из-за работы, просто не хотелось снова возвращаться в бесконечную серость.

— И что вы сделали? — спросил кто-то.

— Сначала ничего. Полетели домой, потом ещё раз, и ещё. А однажды муж сказал: «Послушай, мы ведь можем работать откуда угодно. Тогда объясни, почему мы живём там, где сами не хотим жить?»

Она улыбнулась.

— Ответить мне было нечего.

За соседним столиком кто-то обсуждал открытие нового ресторана, кто-то советовал хорошего педиатра, две мамы спорили, где вкуснее хлеб, во Франции или в Испании, а дети тем временем уже давно забыли о родителях и с удовольствием играли во дворе. Всё происходило настолько естественно, что через несколько недель перестало казаться необычным.

Позже выяснилось, что почти никто из этих людей не приехал сюда из-за проблем. Среди них были владельцы компаний, архитекторы, врачи, финансисты, предприниматели, люди, которым не пришлось спасаться ни от бедности, ни от войны, ни от политических потрясений. Многие добились того, к чему шли долгие годы, а когда наконец получили возможность выбирать, неожиданно начали задавать себе один и тот же вопрос.

— Если можно жить по-другому, почему мы столько лет выбирали тот вариант, который нам не нравится?

Эти разговоры возникали сами собой, за чашкой кофе после школы, между обсуждением детского праздника и выбором семейного врача, и именно тогда становилось понятно, что нас объединяют вовсе не страна, не язык и не профессия.

Позже нас стали называть климатическими эмигрантами. Это название появилось уже после того, как тысячи семей сделали свой выбор, ведь всё начиналось с очень простого желания жить там, где не приходится всё время ждать лета, считать месяцы до отпуска и откладывать жизнь на потом.

Мы вдруг начали понимать, что жизнь может быть устроена иначе, что солнце зимой не обязательно должно быть редким подарком, что прогулка с ребёнком может не требовать подготовки, похожей на небольшую экспедицию, что можно жить в другом климате, дышать другим воздухом, иначе проводить свои дни и при этом не находиться в отпуске, а сделать такую жизнь своей обычной повседневностью.

Мадрид

До этого мне казалось, что всё дело в море. Лазурный Берег, шум прибоя, прогулки вдоль побережья, именно с этим у меня долго ассоциировалась новая жизнь. Но однажды мы приехали в Мадрид, и оказалось, что ощущение счастья совсем не обязательно связано с морем.

Этот город всегда удивлял меня тем, что уже через несколько часов здесь почти перестаёшь вспоминать о побережье, потому что внимание очень быстро переключается на другую жизнь. Утром открываешь окно и слышишь, как внизу разгружают продукты для кафе, официанты расставляют столики на террасах, люди спешат на работу с бумажными стаканчиками кофе в руках. Пахнет свежей выпечкой и кофе, в парке Ретиро прохладнее и тише, а через несколько кварталов снова начинаются широкие проспекты, дорогие магазины и старые дома с балконами, которые здесь никто не торопится менять на что-то более современное.

Мадрид производит впечатление города, которому не нужно никого убеждать в собственной значимости. Здесь можно долго гулять по центру, рассматривать фасады, кованые балконы, старые подъезды, небольшие книжные магазины и кафе, работающие десятилетиями. При этом почти нигде не возникает ощущения, что всё устроено ради туристов. Люди живут своей обычной жизнью, а ты на некоторое вре-

мя становишься её частью.

Мне всегда нравилось наблюдать за мадридцами. Они редко торопятся без необходимости, могут долго сидеть за обедом, спокойно разговаривать, встречаться с друзьями по вечерам в одном и том же кафе, куда ходят много лет. В этом нет ничего показного, и, возможно, поэтому к такому ритму быстро привыкаешь.

Со временем я полюбила сочетание Мадрида и побережья. Испания вообще удивительно удобна для таких перемещений: сегодня достаточно сесть на скоростной поезд, и примерно через два часа вокруг уже совсем другой пейзаж. Утром можно завтракать в любимом кафе на улице Серрано, а вечером гулять по набережной среди пальм, смотреть на яхты в марине и слушать море.

На Коста-Бланке или в Марбелье жизнь устроена иначе. Утром люди гуляют вдоль моря или занимаются спортом, днём встречаются в кафе, вечером снова выходят на набережную. Даже зимой террасы ресторанов редко пустуют, потому что здесь многое происходит на улице и большую часть года хочется проводить время вне дома.

Именно это, скорее всего, и привлекает в Испанию людей из разных стран. Кто-то покупает квартиру у моря, кто-то дом в пригороде Мадрида, кто-то приезжает всего на несколько месяцев в году, но почти все, с кем мне доводилось разговаривать, рано или поздно начинали говорить о том, как здесь меняется привычный ритм жизни и почему к

нему потом хочется возвращаться.

Со мной произошло примерно то же самое, хотя в случае с Мадридом всё оказалось ещё интереснее. Постепенно он перестал быть для меня городом, где нужно заранее искать гостиницу, сравнивать цены и выбирать район.

Когда поездок становится много, отношения между людьми тоже меняются. В самом начале обмена домами я об этом даже не задумывалась. Ты договариваешься о датах, передаёшь ключи, живёшь несколько дней или недель в чужом доме, потом возвращаешься к своей жизни. Но со временем появляются люди, которым уже не нужно подробно объяснять, кто ты и как будешь обращаться с их домом. Они просто говорят:

— Когда приедешь, напиши.

Так случилось и с Мадридом.

Сейчас, если мне захочется провести выходные в испанской столице, достаточно открыть телефон и отправить несколько сообщений. Почти всегда приходит короткий ответ:

— Конечно. Приезжай.

Первая открытая дверь ведёт в дом молодой испанки, удивительно красивой и очень талантливой. Она танцует, участвует в соревнованиях, постоянно находит новые увлечения, много путешествует и может на несколько дней уехать то к родителям, то к друзьям. Она вообще редко сидит на месте и, кажется, просто не умеет жить скучно. Когда-то именно она

первой написала мне. Ей предстояли соревнования на побережье Коста-Бланки, недалеко от моего дома, и она предложила обмен. Я открыла фотографии её квартиры и несколько секунд молча рассматривала экран.

Обычным пентхаусом эту квартиру назвать было трудно. Огромные террасы занимали почти половину пространства, стеклянные стены открывали вид на город, а весь Мадрид лежал далеко внизу, и его можно было рассматривать часами.

Я сразу согласилась. Когда мы приехали, она уже стояла в дверях с маленьким чемоданом в одной руке и переноской с котом в другой. Она передала мне ключи, улыбнулась и сказала:

— Чувствуйте себя как дома.

Вряд ли она тогда представляла, насколько буквально я восприму эти слова.

С тех пор я возвращалась туда много раз: с сыном, с подругами, иногда всего на два дня, с пятницы до воскресенья. Порой мне хотелось пройтись по любимым улицам, посидеть в небольшом кафе, купить книгу или просто провести вечер в городе, который за эти годы стал почти родным.

Она всегда соглашалась. Ей нужны были GuestPoints для новых путешествий, а мне хотелось снова приехать в Мадрид. После нескольких обменов мы перестали уже почти друзьями. Она знала, что я отношусь к её дому так же бережно, как к своему, оставляла мне самые тёплые отзывы, а я

постепенно заметила, что возвращаюсь уже не ради одной только красивой квартиры. Мне было важно знать, что здесь мне рады.

Вторая квартира совсем другая. Она находится рядом с площадью Пуэрта-дель-Соль, в самом центре Мадрида. Выходишь из дома, проходишь несколько шагов и сразу оказываешься среди уличных музыкантов, туристов, разговоров за столиками кафе и привычного запаха свежего кофе.

Хозяин квартиры — архитектор, и, возможно, поэтому своё пространство он устроил с таким вниманием к деталям. Дверные ручки, светильники, деревянные балки, мебель, всё было подобрано очень точно, без желания произвести впечатление или показать достаток. По этому интерьеру легко было представить человека, который здесь живёт.

Больше всего меня заинтересовали толстые альбомы на книжной полке. Я открыла один, затем второй, потом третий и поняла, что в них собраны десять лет путешествий по обмену домами. Фотографии, открытки, заметки, билеты, смешные истории, лица людей, которых хозяева встречали в разных странах. Я долго перелистывала страницы и думала о том, сколько всего может вместить обычный семейный альбом, если люди годами ездят по миру, живут в чужих домах, знакомятся, возвращаются и снова отправляются в путь. Передо мной была история десяти лет их жизни, и ценность таких воспоминаний невозможно измерить деньгами.

Третий дом находится уже за пределами Мадрида, в од-

ном из престижных районов, совсем недалеко от Las Rozas Village, куда я, признаться, всегда заглядываю с удовольствием, даже если ничего не собираюсь покупать.

Хозяева недавно построили отдельные апартаменты и почти всегда готовы предоставить их для обмена. За эти годы мы тоже успели подружиться, поэтому наши отношения давно вышли за рамки обычной договорённости о жилье. Мы знаем, что можем написать друг другу, если появится желание приехать или понадобится помощь.

Но самым необычным в моей мадридской истории остаётся четвёртый дом, о котором я почему-то вспоминаю реже, хотя забыть его невозможно.

Это было ещё во время пандемии. Известный архитектор предложил мне свой пентхаус площадью около пяти-сот квадратных метров. Дом был устроен очень необычно: террасы переходили во внутренние сады, разные части пространства соединяли стеклянные мостики, света было столько, что поначалу я постоянно останавливалась и рассматривала детали. Всё это напоминало современную галерею, в которой при этом кто-то действительно жил.

С верхних балконов открывался вид на собственный гараж хозяина, который по сути был частным музеем автомобилей. Там стояли десятки машин: старые кабриолеты, Ferrari, Mustang и редкие модели, выпущенные двадцать, тридцать и даже пятьдесят лет назад. Было видно, что для владельца это серьёзное увлечение, и каждую машину он вы-

бирал очень внимательно.

Перед самым моим приездом он написал:

— Без машины тебе здесь будет неудобно. Я оставлю тебе автомобиль.

Я ответила, что прилетаю из другой страны и машина действительно очень пригодится.

— Тогда тебя встретят прямо в аэропорту.

Так и произошло. В аэропорту меня встретила женщина, которая много лет работала в их доме, и передала ключи от автомобиля. На следующее утро, ровно в девять часов, она снова появилась, приготовила свежесжатый апельсиновый сок, яичницу и кофе, затем спокойно убрала со стола, застелила постель, навела порядок и так же тихо ушла.

Я осталась одна в огромном доме и всё время думала о старшем сыне, который тогда учился в Англии.

— Влад, приезжай, пожалуйста, — говорила я ему по телефону. — Ты больше никогда не увидишь такого дома. Здесь всё устроено так, будто это фильм о будущем. Ты должен это увидеть.

Жаль, что он так и не приехал... Наверное, у каждого человека есть места, которыми особенно хочется поделиться с теми, кого любишь. Их ценность не всегда связана с роскошью или стоимостью, потому что некоторые дома остаются в памяти вместе с людьми, событиями и тем временем нашей жизни, когда мы там оказались.

Возможно, поэтому сегодня, когда кто-нибудь спрашива-

ет меня, есть ли у меня любимый отель в Мадриде, я всегда улыбаюсь. За годы обменов этот город стал для меня местом, куда можно приехать почти без подготовки, написать знакомым людям и знать, что тебе обязательно ответят.

У меня есть мой Мадрид, и в нём уже давно есть двери, которые для меня всегда открыты.

Когда календарь меняет судьбу

Школа довольно быстро изменила привычный уклад нашей жизни. Пока дети были совсем маленькими, мы сами решали, когда уезжать, когда возвращаться и сколько времени проводить в каждой стране. Теперь всё определял школьный календарь. Учебный год делился на триместры, за ними следовали каникулы, потом начинался новый семестр, и именно этот ритм стал главным ориентиром для всей семьи.

Первые годы каждые каникулы мы по привычке возвращались домой, нам казалось важным не нарушать сложившийся порядок. Муж чаще прилетал к нам, чем мы к нему, мы заранее подстраивали расписание, переносили встречи, покупали билеты и старательно сохраняли ощущение, что ничего принципиально не изменилось. Со стороны всё выглядело так, словно мы просто живём на две страны, хотя на самом деле центр нашей повседневной жизни уже давно сместился.

Испания перестала быть местом, куда мы приехали на время. Здесь проходили обычные будни. Дети ходили в школу, появились любимые магазины, семейный врач, знакомые соседи, привычные маршруты и небольшие кафе, где нас уже узнавали. Всё меньше оставалось ощущения, что однажды мы обязательно вернёмся к прежней жизни, потому что именно эта жизнь становилась для нас привычной.

Наверное, поэтому однажды, когда приближались очередные школьные каникулы, разговор неожиданно пошёл совсем не так, как раньше.

— Ну что, куда полетим? — спросил муж вечером, открывая школьный календарь.

Я машинально ответила:

— Домой.

Он посмотрел на меня и, немного помолчав, спросил:

— А тебе самой этого хочется?

Я не ответила сразу.

Домой действительно не хотелось, и не потому, что там нас никто не ждал. Просто впервые возникло желание провести этот месяц иначе, пожить в новом городе, просыпаться по утрам на незнакомой улице, ходить в местный парк и хотя бы ненадолго почувствовать себя не туристами, а обычными жителями.

— А если поехать куда-нибудь ещё? — сказала я.

— Куда?

Этого мы тогда ещё не знали. Ответ появился немного позже, причём совершенно неожиданно.

К этому времени старший сын уже начал готовиться к поступлению в университет в Лондоне. Нам нужно было провести там почти месяц: познакомиться с городом, посетить несколько университетов, спокойно пройти вступительные мероприятия и просто понять, подходит ли ему эта жизнь. Отель для такого срока казался неудобным, краткосрочная

аренда квартиры была слишком безличной, и нам всё сильнее хотелось найти место, где можно было бы жить так же, как дома.

Именно тогда я вспомнила статью, которую когда-то прочитала в самолёте. Сам текст давно стёрся из памяти, но названия нескольких сайтов я зачем-то тогда выписала в блокнот. Речь шла об обмене домами, идее, которая в тот момент показалась почти фантастической. Трудно было представить, что совершенно незнакомые люди готовы доверить друг другу свои дома, оставить ключи, личные вещи и привычный уклад жизни.

В тот же вечер я открыла ноутбук, нашла тот самый блокнот, зарегистрировалась на сайте, заполнила профиль, добавила фотографии нашего дома в Испании и закрыла компьютер, не ожидая, что что-то произойдёт так быстро.

Утром почтовый ящик оказался заполнен сообщениями, их было около двадцати. Мне писали семьи из разных районов Лондона: «Мы давно мечтаем провести месяц у моря», «Нашим детям очень понравился ваш сад», «Если вам интересно пожить в Лондоне, будем рады обменяться домами».

Я читала письмо за письмом и неожиданно увидела собственную жизнь глазами других людей. Дом, который давно стал для нас обычным, для кого-то выглядел местом, где хотелось провести целый месяц. Сад с бассейном, пальмы, возможность завтракать на террасе даже зимой, всё это мы уже перестали замечать, потому что успели привыкнуть.

Мы долго выбирали и в конце концов остановились на доме в Ричмонде. Когда мы наконец приехали, хозяев уже не было, а на кухонном столе лежало письмо: «Добро пожаловать. Чувствуйте себя как дома. Если что-нибудь понадобится, обязательно напишите». А рядом стояла ваза со свежими цветами. В детской нас ждали книги, настольные игры, велосипеды, теннисные ракетки, коробки с конструкторами. На кухне оставались специи, чай, крупы, подписанные баночки с домашними заготовками, семейные фотографии и множество мелочей, которые обычно убирают перед приездом незнакомых людей. Здесь ничего не прятали, наоборот, хозяева словно говорили: живите так, как живём мы. Поэтому через несколько дней мы перестали ощущать себя гостями. Утром мы завтракали на кухне, днём гуляли вдоль Темзы, почти каждый вечер уходили в Ричмонд-парк, возвращались домой, готовили ужин, раскладывали книги и вещи по привычным местам, и очень скоро появилось странное чувство, будто мы живём здесь уже давно.

Именно тогда стало ясно, что обмен домами совсем не про экономию на гостиницах. Люди доверяли друг другу не квадратные метры и не мебель, они доверяли свою повседневную жизнь: любимое кресло, книги на полках, детские игрушки, велосипеды, чашки, из которых каждое утро пили кофе, и тем самым приглашали совершенно незнакомых людей ненадолго стать частью своей семьи.

Тогда мы ещё не представляли, что этот первый обмен

станет началом пути длиной в пятнадцать лет, со сто шестидесятью обменов домами и десятками стран, в которых нам ещё только предстояло жить.

Помню, после того первого обмена меня часто спрашивали, действительно ли обмен домами помогает так сильно экономить. Ответ был очевиден: да. Но довольно быстро выяснилось, что деньги перестают быть главным аргументом. Поначалу я действительно думала об экономии. Было бы странно делать вид, что это не имеет значения. Жильё почти всегда составляет самую большую часть бюджета путешествия, и, если эту статью расходов удаётся убрать, затрат становится ощутимо меньше.

Но прошло совсем немного времени, и я поймала себя на том, что почти перестала считать деньги. Особенно хорошо помню один из первых обменов на Бали. Дом стоял среди джунглей. Несколько круглых бамбуковых павильонов, открытый душ, бесконечный бассейн, за которым сразу начинался океан, густая зелень, незнакомые птицы и ощущение, что всё вокруг существует по каким-то другим законам. Я сидела на террасе с чашкой кофе и никак не могла избавиться от одной мысли: как вообще получилось, что я оказалась здесь?

Когда-то в моей жизни были дорогие путешествия, организованные другими людьми. Первый муж мог позволить себе почти всё, второй знал людей, которые открывали двери туда, куда большинство никогда не попадало. Мы жили

в красивых местах, бывали в роскошных отелях, нас приглашали, встречали и устраивали поездки. Но именно в тот момент на Бали я впервые почувствовала совсем другое. Я оказалась в этом доме не благодаря чьим-то возможностям, знакомствам или деньгам. Я приехала сюда сама, потому что однажды выбрала обмен домами.

Уже потом мне стало любопытно, сколько стоило бы такое путешествие без HomeExchange. Этот дом можно было забронировать через Booking, потому что он одновременно работал и как небольшой бутик-отель. Я посмотрела цену, потом ради интереса открыла предыдущие поездки, следующие, подняла статистику за все годы и увидела, сколько ночей провела в чужих домах. Для расчёта я взяла даже не стоимость вилл, где мне иногда доводилось жить, а среднюю цену хорошего отеля, около трёхсот евро за ночь. Когда калькулятор показал итоговую сумму, я несколько раз пересчитала всё заново. Мне казалось, что где-то обязательно должна быть ошибка, но её не было. За годы обменов стоимость проживания приблизилась почти к миллиону долларов, при этом годовая подписка HomeExchange стоила около двухсот пятидесяти евро.

Любой человек на этом месте, наверное, сказал бы: «Вот главный аргумент». Но для меня к тому времени он уже перестал быть главным. Деньги были самым простым объяснением. Настоящая ценность оказалась совсем в другом. Осознание пришло после разговора с хозяином одного дома, где

мы жили целый месяц. Он работал в Microsoft, был сильным программистом и привык всё объяснять логикой.

За ужином он спросил:

— Если бы вы просто сдавали свой дом, вы бы зарабатывали хорошие деньги и могли ездить куда захотите. Тогда зачем вообще нужен обмен?

Вопрос был закономерным.

— Сначала я тоже думала, что разница только в деньгах. Но всё оказалось намного интереснее.

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Почему?

— Представьте, что я сдаю дом. Сначала нужно заплатить налоги, потом комиссию платформе, потом заниматься бронированиями, уборкой, заселениями. Во время каждого заезда телефон начинает звонить постоянно. «Как включить кондиционер?», «Где купить продукты?», «Почему не работает телевизор?», «Как открыть ворота?» Хозяин вроде бы уехал отдыхать, а на самом деле продолжает работать.

Он кивнул.

— Это понятно. Но ведь это просто неудобства.

— Да. И они не самые главные.

— А что тогда?

— Отношение людей...

Он удивился.

— Разве есть разница?

— Очень большая. Человек совершенно по-разному от-

носится к дому, который снимает, и к дому, который ему доверили.

— Не понимаю, объясните...

— У меня больше десяти лет опыта работы с Airbnb, и за это время я насмотрелась на разные истории. Совсем недавно мой сын снимал квартиру через Airbnb, и хозяйка рассказала ему, что девушка, снимавшая до него, как-то поссорилась со своим молодым человеком и в порыве эмоций начала бросать бокалы и тарелки прямо в бассейн. Владельцам дома потом пришлось долго собирать эти осколки.

Он покачал головой.

— А при обменах такое бывает?

— За сто шестьдесят с лишним обменов у меня не произошло ничего подобного ни разу. Максимум кто-то случайно разбивал чашку, а потом покупал вместо неё целый новый сервиз или оставлял хозяевам подарок.

— Почему?

— Человек чувствует разницу, он понимает, что ему доверили не гостиничный номер и не квартиру для аренды. Ему доверили дом, в котором живёт другая семья. Здесь стоят фотографии детей, на полках лежат любимые книги, в шкафу висит одежда хозяев. Это уже не недвижимость, это чья-то жизнь, и к ней большинство людей относится совсем иначе.

Именно поэтому спустя несколько лет я почти перестала думать о том, сколько денег экономит обмен домами. Гораз-

до важнее оказалось другое чувство — возможность жить в самых разных уголках мира благодаря тому, что совершенно незнакомые люди однажды решили доверять друг другу.

Дом, в котором нас вместе больше не было

После нашего первого обмена жизнь неожиданно вошла в новый ритм. Школьные каникулы перестали означать возвращение домой. Стоило детям закончить занятия, как на кухонном столе появлялся ноутбук, рядом ложился школьный календарь, и мы начинали искать следующий дом. Собираться стало легко. У каждого появился свой небольшой чемодан, дети уже знали, какие вещи стоит взять с собой, а какие можно оставить, потому что почти в каждом доме их ждали книги, велосипеды, настольные игры и коробки с игрушками.

— Мам, как думаешь, там будет собака?

— Не знаю.

— Ладно, скоро узнаем...

Для детей всё происходило так естественно, словно они ехали не в другую страну, а к друзьям. Уже через несколько часов они знали, где лежат карандаши, в каком шкафу стоят чашки и через какую дверь удобнее выбегать в сад. Им не нужно было привыкать к новому дому. Они сразу начинали в нём жить.

Я тоже перестала чувствовать себя гостьей. Каждый новый дом рассказывал о своих хозяевах гораздо больше, чем

долгие разговоры. По книгам было понятно, что они любят читать, по кухне — как проводят вечера, по детской комнате — чем увлекаются дети. Иногда нас ждали записка с пожеланием хорошего отдыха, карта района с любимой булочной или совет обязательно заглянуть на субботний рынок. Такие мелочи убеждали меня, что нам доверили не просто ключи от дома, а часть своей обычной жизни.

Муж моего увлечения обменами не разделял. Во время каждой поездки мы созванивались, я показывала ему дом, рассказывала о городе, о людях, которых мы встретили, о хоз-заявах, оставивших нам велосипеды или книги, а он внимательно слушал, расспрашивал о детях и через несколько минут начинал говорить о своей работе. Мы по-прежнему разговаривали каждый день, но всё яснее становилось, что мы проживаем совершенно разные жизни.

Однажды я попросила:

— Приезжай хотя бы на несколько дней.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Не люблю жить в чужих домах.

— Ну почему?

— Не знаю... Для меня дом — это слишком личное место. А тут открываешь чужой шкаф, садишься за чужой стол и всё время помнишь, что ты здесь временно.

Тогда этот ответ не показался мне важным. Лишь спустя время мне стало понятно, что речь шла не о привычках. Он вообще не любил бывать в гостях, зато с удовольствием при-

глашал людей к себе. Наш дом почти никогда не пустовал. За большим столом собирались друзья, родственники, партнёры, разговоры затягивались далеко за полночь, и никто не спешил расходиться. Ему нравилось быть хозяином, создавать пространство, в котором другим было хорошо. Дом был продолжением его самого, поэтому жить среди чужих вещей, пользоваться чужой кухней и принимать чужие правила он просто не хотел.

Меня же всё сильнее увлекало другое. За каждой дверью открывалась новая семья со своими привычками, любимыми местами, утренними маршрутами и маленькими семейными традициями. Позже исчезло ощущение, что мир состоит из чужих людей. Всё чаще казалось, что мы гораздо больше похожи друг на друга, чем принято думать.

Обменов становилось больше, поездки длились всё дольше, а наши разговоры с мужем становились всё короче. Мы по-прежнему интересовались делами друг друга, но всё чаще рассказывали не об общей жизни, а каждый о своей.

Моя складывалась из новых городов, домов, дорог и встреч. Его — из работы, проектов и людей, с которыми он виделся каждый день. Мы не ссорились, не пытались изменить друг друга и не выясняли отношения. Наверное, именно поэтому долго казалось, что всё в порядке. Когда-то мы строили планы вместе, теперь всё чаще просто ставили друг друга в известность.

— Я задержусь ещё на несколько дней.

— Хорошо.

— У тебя получится прилететь?

— Нет, сейчас не смогу.

В тот момент такие разговоры казались обычными. Только позже стало понятно, что близость исчезает не тогда, когда люди перестают разговаривать, а тогда, когда у них перестаёт появляться общая жизнь. Сначала становится меньше впечатлений, которые они переживают вместе, потом каждый привыкает к своему ритму, своим заботам и своим решениям, и однажды оказывается, что общего прошлого по-прежнему много, а общего настоящего почти не осталось.

Я никогда не искала одну-единственную причину нашего развода, потому что её не существовало. Дело было не в расстоянии и не в постоянных поездках. Просто со временем выяснилось, что мы по-разному понимали, что такое дом. Для него это было место, которое человек создаёт и старается сохранить неизменным. Для меня дом перестал быть адресом и превратился в пространство, где можно жить, чувствовать себя своей и снова начинать жизнь, даже если за окном другой город и другой язык.

Кто я без прошлого?

— Мама... а папа больше с нами не живёт?

Я подняла глаза.

— Почему ты так решил?

Сын стоял возле раковины и внимательно смотрел на стаканчик с зубными щётками.

— Моя есть, брата есть, твоя есть... А папиной нет.

Я подошла к нему и тоже посмотрела на полку. Папиной зубной щётки там действительно больше не было, хотя сама я до этой минуты ни разу не обратила на это внимания.

— Папа сейчас живёт в Москве, а мы с тобой здесь, в Испании.

Он ещё немного постоял, не сводя глаз со стаканчика.

— Значит, это уже не папин дом?

Я не сразу нашлась, что ответить. Сын немного подождал, потом кивнул, словно понял что-то важное без моих объяснений, и убежал по своим делам, а я ещё долго стояла в ванной, глядя на пустое место, которое неожиданно оказалось красноречивее любого разговора. Наверное, большие перемены редко становятся заметны в тот день, когда принимается окончательное решение. Гораздо чаще они входят в жизнь незаметно, через самые обычные вещи, которые взрослые перестают замечать, а дети видят сразу.

После развода в моей жизни стало тихо. Раньше я суще-

ствовала внутри привычного «мы», была женой, матерью, частью семьи. Даже когда мне казалось, что я принимаю собственные решения, моя жизнь всё равно подчинялась общему ритму, общим договорённостям и представлениям о правильном. Так происходит почти всегда, ведь человек привыкает жить не только собой и перестаёт замечать, где заканчиваются его собственные желания и начинаются чужие.

Когда эта общая конструкция исчезла, я впервые посмотрела на себя отдельно от привычных ролей. Я не задавала себе вопрос «кто я?», но он всё равно возникал в самых обычных вещах. Почему я выбираю именно это? Почему продолжаю хранить вещи, которые давно утратили смысл? Почему некоторые привычки исчезают так легко, словно принадлежали не мне, а той жизни, которая уже закончилась?

Я стала больше путешествовать, и очень скоро поездки перестали быть просто сменой городов. Каждый новый дом, каждая новая страна помогали увидеть себя в других обстоятельствах и понять, что действительно принадлежит мне, а что оказалось частью прежней жизни. Иногда возникало ощущение, что я почти нашла своё место, но оно снова ускользало, и мне приходилось искать дальше.

Со временем стало очевидно, что Испания вошла в мою жизнь благодаря мужу. Если этот выбор принадлежал не мне, значит, где-то существует место, которое совпадёт не только по климату или удобству, но и по внутреннему ощущению правильности. Именно тогда стало понятно, что по-

иски были связаны не столько с новой страной, сколько с собой. Да, в этой неожиданной тишине стало легче услышать собственные мысли. Я всё яснее видела, как сильно на человека влияют долгие отношения, и как незаметно они формируют его взгляды, привычки и ценности.

Мой первый муж, Виктор I, которого я называю человеком бизнеса, научил меня жить в постоянном движении вперёд, создавать новое, зарабатывать и не бояться начинать сначала. Потом в моей жизни появился второй муж, Виктор II, человек власти, и вместе с ним значение приобрели статус, положение и то, как жизнь выглядит со стороны. Я долго считала обе эти системы координат своими, пока однажды не осталась без них.

И тогда возник вопрос, который уже невозможно было отложить: а что из этого действительно моё? Ответ пришёл не сразу. Исчезло желание что-либо доказывать, соревноваться, быть успешнее или значительнее других. Я никогда не была материалисткой, и вся система постоянного сравнения мне на самом деле чужда, зато осталось другое — свобода выбирать, где жить, куда ехать, когда начинать сначала и как строить собственную жизнь без необходимости оправдываться перед кем-либо.

При взгляде в прошлое стало очевидно, что ценность многих вещей определялась исключительно их причастностью к общей жизни. Когда исчез этот контекст, исчезла и потребность соответствовать чужим ожиданиям. Осталось немно-

гое, но именно это немногое оказалось по-настоящему моим, и с этим ощущением я продолжила двигаться дальше, уже не в поиске идеального места, а в попытке наконец совпасть с самой собой.

О чём говорит дом

Время, проведённое в чужих домах по обмену, открывало одну неожиданную истину. Мне казалось, что я изучаю чужие дома, но потом я поняла, что всё это время они незаметно меняли моё собственное отношение к жизни.

Больше всего меня удивляли дома в Англии, и дело не в размере, дорогой мебели или красивом ремонте. Почти везде чувствовалось одно и то же, что люди действительно любят пространство, в котором живут. Это проявляется в самых обычных вещах. На кухне всё было продумано до мелочей, у каждой вещи своё место, а благодаря этому дом словно сам помогает человеку жить спокойно, не тратя силы на бесконечные поиски и бытовой хаос. И я начала перенимать эти привычки. Почти каждый новый дом чему-нибудь меня учил. Иногда это были удачно организованные шкафы, иногда простые системы хранения, а иногда решения, настолько очевидные, что оставалось только удивляться, почему они не пришли мне в голову раньше.

Особенно меня трогали семьи с маленькими детьми. Почти в каждом доме рядом с кухней находился небольшой детский уголок с книгами, карандашами, настольными играми и игрушками. Пока мама готовила ужин, ребёнок играл рядом, разговаривал с ней, задавал вопросы, и семейная жизнь продолжалась без спешки и постоянного разделения на «взрос-

лое» и «детское». В этой простой организации чувствовалось не стремление к идеальному порядку, а желание проводить больше времени вместе.

Не меньше меня впечатляли детские комнаты. Почти везде находилось место, посвящённое будущему ребёнку. Иногда это была большая доска, иногда карта целей или обычный лист бумаги, на котором было записано, что нужно сделать, чтобы приблизиться к мечте. Если ребёнок хотел поступить в Оксфорд, рядом появлялся вполне понятный план: какие предметы подтянуть, какие оценки получить, на что обратить внимание в следующем году. Мне очень понравилась сама идея, ведь ребёнок видел не только мечту, но и понимал, зачем ему стараться сегодня.

Во многих семьях существовали и домашние обязанности. Где-то дети получали за них небольшие деньги, где-то звёздочки или баллы, но рядом почти всегда была написана цель: новый велосипед, музыкальный инструмент, поездка в Диснейленд. Мне показалось, что взрослым тоже часто не хватает именно этого. Мы много работаем, много откладываем, постоянно куда-то спешим, но всё реже спрашиваем себя, ради чего всё это.

Со временем обнаружился и другой важный момент. Независимо от страны почти в каждом доме были фотографии родителей, бабушек, дедушек, детей, семейные снимки с праздников и путешествий. Иногда они занимали целую стену, иногда стояли на комодe или книжной полке, но нико-

гда не выглядели случайным украшением. Дом словно напоминал, что человек не существует сам по себе и что за каждым из нас стоит семья, история и люди, благодаря которым мы стали такими, какие есть.

Ещё одной неожиданностью стали бумажные семейные фотоальбомы. До поездок мне казалось, что их почти перестали делать, но оказалось, что во многих семьях они по-прежнему занимают почётное место. Один альбом посвящён одному году, другой путешествию, третий рождению ребёнка. Так на полке выстраивается целая семейная летопись, по которой можно увидеть, как взрослеют дети, меняются родители и проходят годы.

Меня особенно поразило, что в этих альбомах почти нет достопримечательностей. Конечно, иногда встречаются Эйфелева башня или Колизей, но главными героями всегда остаются люди: семейные ужины, прогулки, смешные моменты, дети, которые становятся старше от страницы к странице. Получается не коллекция красивых мест, а история семьи.

Но самым ценным открытием стали вовсе не дома. Они научили меня смотреть на жизнь проще. Почти нигде я не видела людей, которые жили бы ради вещей. Красивые дома встречались часто, но почти всегда было заметно, что вещи существуют для человека, а не человек для вещей. Чужие дома неожиданно научили меня самому простому: настоящее чувство дома рождается не из количества вещей, а из того,

как люди живут друг с другом каждый день.

Переосмысление истинной роли вещей открыло дорогу новому внутреннему этапу — умению вовремя расставаться с лишним.

Искусство отпускать

Это не было решением, по крайней мере не тем решением, которое можно привязать к определённом дню, разговору или событию. Всё происходило гораздо медленнее. То, что раньше казалось важным, неотъемлемым и само собой разумеющимся, начинало терять значение, словно внутри меня исчезала необходимость держаться за это с прежней силой.

Раньше у моей жизни была очень определённая форма, и эта форма ощущалась во всём: в приглашениях, возникших сами собой, в людях, которые узнавали нас, стоило где-нибудь появиться, в чуть более внимательных взглядах, в разговорах, где тебя уже заранее помещали в определённую роль и ожидали, что ты ей будешь соответствовать. Нас знали, и в этом знании было что-то одновременно приятное и обязывающее. Вместе с узнаваемостью приходила почти незаметная необходимость соответствовать ожиданиям окружающих. Никто ничего не требовал напрямую, но я переставала различать, где заканчивается чужое представление обо мне, и появляюсь я сама.

Я помню эти вечера, длинные столы, накрытые с особой тщательностью, мягкий свет, разговоры, в которых легко звучали знакомые имена, и себя внутри этой жизни, спокойную, уверенную, вполне естественно вписанную в происходящее. И всё же теперь я понимаю, что какая-то часть меня

всегда оставалась немного в стороне, как наблюдатель, который присутствует, но не принадлежит происходящему полностью.

Тогда это не вызывало ни сомнений, ни внутреннего сопротивления. Мне казалось, что именно так и должна выглядеть жизнь, достигшая определённого уровня, что всё это является естественным результатом усилий, времени и жизни рядом с людьми, умеющими строить и удерживать созданное ими пространство.

Потом эта жизнь осталась позади. Сначала это было просто расстояние, затем смена места, а потом исчезла сама внутренняя необходимость к ней возвращаться. Однажды я открыла коробку, где лежала та прежняя жизнь, зафиксированная чужими словами и чужими взглядами: фотографии, журналы, тексты, в которых меня описывали так уверенно, словно это и была окончательная версия меня. Я смотрела на них без волнения, почти с удивлением. Это было похоже на встречу с чем-то хорошо знакомым, но уже не принадлежащим тебе. У меня не возникло ни желания вернуть это, ни потребности удержать. Было только спокойное понимание, что всё это действительно было частью моей жизни, но больше не имеет ко мне прямого отношения.

Я не устраивала символических прощаний, не избавлялась от этих вещей демонстративно и не пыталась поставить красивую точку. А просто перестала к ним возвращаться, и этого оказалось достаточно.

С бизнесами произошло почти то же самое. Одни продолжали существовать так, словно им уже не требовалось моё участие, другие исчезли, и я не пыталась их удержать, потому что впервые за долгое время во мне не было ни страха потери, ни желания доказать, что я способна сохранить всё, что когда-то создала.

Это было почти физическое ощущение. Как будто исчезло что-то, к чему я настолько привыкла, что перестала замечать его присутствие, и только после его исчезновения поняла, насколько тяжёлым был этот груз.

Но самым удивительным оказалось даже не это. Самым неожиданным было то, что признание, к которому так легко привыкаешь, перестало иметь значение. В новых местах меня никто не знал. Никто не останавливался, не всматривался в лицо, не произносил моё имя так, словно оно должно что-то означать. И в этом отсутствии узнавания не было пустоты. Наоборот, в нём оказалось много пространства. Впервые за долгое время можно было быть просто собой, без ожиданий, без заранее сложившегося образа, без необходимости соответствовать тому, что другие уже решили о тебе.

Со временем пришло осознание, что мне интереснее жить именно так, без предварительного знания обо мне, без узнавания и без той невидимой рамки, в которую меня когда-то помещали. Потому что узнаваемость всегда создаёт определённые ограничения, даже если воспринимается как привилегия. А неизвестность оставляет человеку больше свободы.

Наверное, именно тогда и началась моя новая жизнь, не как отказ от прежнего, не как протест и не как попытка всё начать сначала, а как естественное продолжение того, что всегда было для меня особенно важным: возможности быть там, где я хочу быть, и оставаться там ровно столько, сколько это совпадает с моим внутренним ощущением жизни.

И в этой новой жизни оказалось удивительно мало лишнего, но, возможно, впервые за долгое время в ней было всё необходимое. То же самое произошло и с вещами, хотя случилось это не сразу и без всякого драматизма. Сначала были украшения. Я не продавала их, не раздавала и не пыталась сделать из этого какой-то символический жест. Я просто положила их в банковский сейф и закрыла его, как закрывают старые письма, к которым пока не хочется возвращаться. Мне казалось, что когда-нибудь они, возможно, снова станут частью какой-то жизни, хотя совсем не обязательно моей нынешней. После этого я не открывала сейф много лет. Иногда я вспоминала о его существовании как о небольшом хранилище другой версии самой себя, но у меня не возникало желания туда возвращаться.

Потом настала очередь гардероба. Он был огромным. Когда-то я даже построила гардеробную, размеры которой были больше многих комнат, в которых люди просто живут. Это тоже было частью прежней жизни, где пространство подстраивалось под количество вещей, а не наоборот. Я начала разбирать его спокойно, без сожаления и без чувства утраты,

скорее с любопытством человека, который неожиданно обнаружил, что многое из того, что когда-то казалось необходимым, давно перестало иметь значение. Очень быстро стало понятно, что многим вещам просто пора продолжить свой путь без меня. Найдя людей, которым они были нужны, я отдала их без прощальных церемоний, объяснений и попыток придать этому особый смысл. С тех пор больше не покупала торжественных нарядов.

Так исчезла сама идея того, что в жизни обязательно должны быть особые поводы, требующие определённой версии себя. И мой гардероб незаметно стал другим. Он стал проще и легче, больше приспособленным к дороге, чем к официальным мероприятиям. Удобная обувь оказалась важнее почти всего остального, и это было не компромиссом, а осознанным выбором, потому что жизнь в постоянном движении довольно быстро учит отделять необходимое от того, что существует только ради внешнего впечатления.

Так продолжается уже больше десяти лет. Сегодня я бываю в самых разных домах и странах, вижу очень разные способы жизни и очень разных людей. Некоторые дома огромны и похожи на музеи, другие скрыты от мира, а некоторые выглядят так, словно существуют только на страницах журналов.

И чем больше я путешествую благодаря HomeExchange, тем больше понимаю, что эта история давно перестала быть для меня просто способом путешествовать. Она стала воз-

возможностью наблюдать за тем, как люди живут тогда, когда никто на них не смотрит.

Так стала заметна ещё одна закономерность. Очень редко сегодня люди живут среди вещей как среди главной ценности своей жизни. Огромные гардеробы встречаются всё реже, избыточность исчезает не потому, что её кто-то специально отвергает, а потому, что она перестаёт быть необходимой. Меняются и жизненные приоритеты.

Я вижу это не только в домах, куда приезжаю, но и в себе, и в своих детях, потому что эпоха, в которой вещи, статус и внешнее признание были языком общения с миром, закончилась. Она закончилась, просто уступив место другой жизни, в которой гораздо важнее не то, чем человек владеет, а то, как он живёт, когда всё лишнее исчезает.

Переход. География, которая перестала быть границей

После домов, которые перестали восприниматься как обязательная собственность, после вещей, которые больше не казались доказательством успешной жизни, после той внутренней лёгкости, которая приходит не сразу, а складывается из множества небольших изменений, наши обмены домами начали происходить всё чаще, потому что движение стало для нас обычным состоянием жизни.

Сначала это были редкие поездки, несколько раз в год, почти как небольшие отступления от привычного ритма. Мы воспринимали их как возможность ненадолго оказаться в другой среде и ещё не думали о том, что однажды это станет системой.

Потом поездки начали случаться чаще. Сначала каждый сезон, затем почти каждый месяц. Иногда мы ехали даже не потому, что была какая-то особая цель, а просто потому, что появилась возможность поехать и возникло желание провести некоторое время в новом месте.

Так появились и короткие обмены. Несколько дней в соседнем городе, длинные выходные в другой провинции Испании, спонтанная поездка, которая не требовала долгих сборов и сложной подготовки.

Испания перестала быть одной точкой на карте и превратилась в пространство, внутри которого можно было постоянно перемещаться, оставаясь в знакомой стране и при этом каждый раз открывая для себя что-то новое.

Иногда мы уезжали во Францию так же легко, как раньше просто меняли район города, и я даже не заметила, в какой момент границы перестали восприниматься как препятствие. Они, конечно, никуда не исчезли, но остались скорее административным понятием, чем реальным ограничением жизни.

Однажды моя знакомая, давно наблюдавшая за моими путешествиями, не выдержала.

— Слушай, я всё никак не могу понять, как ты вообще решилась на обмен домами. Не страшно пускать в свой дом совершенно незнакомых людей?

Её слова вызвали у меня улыбку.

— Это первый вопрос, который мне задают почти все.

— Конечно. А если что-нибудь сломают? Или что-то пропадёт? Или дом окажется совсем не таким, как на фотографиях? А если поездка сорвётся в последний момент?

Она задавала вопросы один за другим, за столько лет слышала их десятки, если не сотни раз. Менялись люди, страны, обстоятельства, но разговор почти всегда начинался одинаково.

— На самом деле все говорят не о доме, — ответила я. — Все говорят о страхе. Страшно впустить незнакомого чело-

века в своё пространство, страшно потерять контроль и обнаружить, что мир не такой безопасный, как нам хотелось бы думать.

Она задумалась.

— И всё-таки? Разве такого не бывает?

— Бывает всё. Как и в обычной жизни. Но за обменами стоит не только доверие между людьми, а очень понятная система. HomeExchange существует уже много лет, и это давно не история о том, что два человека просто договорились между собой.

— В каком смысле?

— У сервиса есть свои правила, гарантии и служба поддержки. Если обмен срывается по независящим от участников причинам или дом оказывается непригоден для проживания, помогают найти другое жильё и компенсируют расходы в пределах установленных условий. Есть и механизмы защиты на случай серьёзных проблем.

— Получается, дело не только в доверии?

— Конечно, нет. Доверие важно, но оно не возникает само по себе. Оно появляется тогда, когда люди понимают правила игры и знают, что в сложной ситуации не останутся один на один с проблемой.

Хорошо помню момент, когда всё это перестало быть для меня теорией. Мы приехали в Канны, но дом, в котором должны были жить, оказался непригоден для проживания. Электричество работало нестабильно, ночью отключались

холодильник и нагрев воды, и довольно быстро стало понятно, что оставаться там невозможно. После моего звонка в службу поддержки всё происходило очень спокойно и организовано. Нам предложили решение, и уже через короткое время мы жили в небольшом бутик-отеле, где неожиданно оказалось даже удобнее, чем в доме, который мы выбрали изначально. В итоге оставшаяся часть поездки превратилась просто в другой вариант отдыха, но не в проблему и не в испорченные каникулы.

Позже похожая ситуация произошла в Барселоне. Другой дом, другие обстоятельства, но тот же результат: быстрое решение, поддержка и ощущение, что смена пространства вовсе не означает разрушение самой поездки.

И каждый раз было одно и то же: проблема не превращалась в катастрофу, она становилась частью маршрута. Именно поэтому со временем страх начал исчезать, ведь опыт снова и снова показывал: большинство опасений не подтверждаются. После этого наши обмены стали происходить ещё чаще и превратились в нормальную форму жизни. Сначала несколько раз в год, затем каждый месяц, а потом почти постоянно, пока движение не стало обычной частью повседневности, а география не перестала восприниматься как ограничение.

Теперь появилось чёткое понимание, что страх почти всегда существует до первого опыта, потом он либо получает подтверждение, либо начинает исчезать. В нашем случае он

исчезал медленно, дом за домом, поездка за поездкой, город за городом, пока не превратился просто в воспоминание о времени, когда всё это казалось невозможным.

Сначала было ощущение, что это исключительно моя история: один обмен, потом три в год, потом почти ежемесячные поездки. Но стали появляться цифры, которые показывали, что речь идёт о гораздо более широком явлении. Оказалось, что в мире уже около 270 тысяч домов открыты для обменов в 155 странах, а почти каждый пятый обмен происходит в Испании. Страна, которая долгое время не была лидером в этой сфере, неожиданно вышла на второе место после Франции. За несколько лет количество обменов здесь выросло почти в пять раз, а только за один год прирост составил более сорока процентов.

Особенно заметны эти изменения в регионе Валенсия. Это место, где воздух почти всегда немного теплее, чем ожидаешь, где жизнь кажется неторопливой, но события происходят быстрее, чем успеваешь их осознать. Люди приезжают сюда прежде всего за солнцем и морем, потому что здесь около трёхсот солнечных дней в году и одно из самых тёплых морей в Европе, в котором можно купаться с мая до декабря. Именно здесь ты понимаешь, что за статистикой стоят реальные люди и их выбор. За один год рост количества обменов составил более ста восьмидесяти процентов, и возникает ощущение, что за многими дверями уже когда-то жили люди, приехавшие из других стран всего на неделю или две.

Ты идёшь по улице и понимаешь, что за этими балконами находятся не только местные семьи, здесь живут люди, которые приехали ненадолго и стали частью чьей-то памяти. И дело, конечно, не только в платформе. HomeExchange могла бы называться иначе. Дело в людях. Испанцы действительно легче открывают двери, легче оставляют ключи на столе и проще относятся к мысли, что кто-то другой будет жить в их доме.

Но существует и ещё одна причина. В последние годы во многих городах стало значительно сложнее получить лицензии на туристическую аренду, а где-то их вообще перестали выдавать. Многие вторые дома у моря, которые раньше сдавались туристам, оказались практически исключены из рынка краткосрочной аренды. И тогда обмен домами стал естественной альтернативой. Без договоров аренды, без оплаты друг другу, без многочисленных комиссий, которые часто делают путешествие значительно дороже ещё до его начала. Мы просто меняемся домами, и в этом очень простая форма свободы. Не нужно считать стоимость каждой ночи, сравнивать цены и думать о комиссиях платформ. Ведь, если посчитать общие расходы, экономия часто превышает пятьдесят процентов.

И, конечно, дело не только в деньгах. Дело в самом ощущении жизни... В свободе и безграничности...

Поэтому обмен домами — это уже не просто необычный способ путешествовать, это новая привычка мира, в кото-

ром всё больше людей готовы временно делиться своим пространством и всё меньше считают, что дом обязательно должен быть крепостью, закрытой для всех остальных.

За следующей дверью

Если бы тогда, во время первого обмена в Лондоне, кто-нибудь сказал мне, что однажды я проживу больше чем в ста шестидесяти чужих домах, я бы, наверное, только рассмеялась.

Мне казалось, что впереди просто ещё одна поездка, потом следующая, потом ещё одна. Я никогда не строила больших планов и уж точно не думала, что путешествия однажды станут образом жизни. Каждая новая страна появлялась почти случайно и словно сама продолжала предыдущую. Со временем я перестала считать километры, потому что гораздо интереснее оказалось наблюдать за людьми, за тем, как они устраивают свой дом, воспитывают детей, проводят вечера, принимают гостей, отмечают семейные праздники и живут своей обычной жизнью. Именно ради этого я снова и снова открывала двери чужих домов. Меня привлекали не новые страны и не красивые виды, а возможность ненадолго увидеть мир глазами людей, которые жили совсем иначе, чем я.

Наши путешествия перестали быть похожими на отпуск. Каждый новый дом становился частью маленькой отдельной жизни со своими привычками, соседями, любимой булочной за углом, дорогой в парк и ощущением, что ты здесь не проездом, а действительно живёшь.

За эти годы я увидела Европу совсем не такой, какой её показывают путеводители. Она открывалась через семейные кухни, детские комнаты, фотографии на стенах, воскресные обеды, разговоры с соседями и ту обычную жизнь, которая почти всегда остаётся за закрытыми дверями. Именно там становились заметны вещи, которых никогда не увидишь, если останавливаться только в гостиницах.

Каждая страна раскрывалась через людей. Французы по-своему относятся к еде и семейным разговорам, итальянцы умеют получать удовольствие от повседневной жизни, испанцы дорожат временем, проведённым с близкими, а англичане особенно бережно относятся к своему дому и личному пространству. Но, чем дольше продолжались эти путешествия, тем меньше мне хотелось сравнивать страны между собой. Гораздо интереснее было понять, почему люди в каждой из них по-разному строят свою жизнь, и что делает её счастливой именно для них.

Постепенно я перестала искать идеальное место для жизни и стала искать то, что делает настоящей саму жизнь. Ответ каждый раз находился за очередной дверью, ключ от которой мне доверяли совершенно незнакомые люди.

Впереди были Франция, Италия, Мальта, Монако, десятки других стран, сотни встреч и разговоров, которые со временем сложились в одну историю, историю не столько о путешествиях, сколько о том, как однажды весь мир становится домом.

ЧАСТЬ 2

ФРАНЦИЯ,

ЛЮБОВЬ МОЯ

БЕЗ ГРАНИЦ

КАК ВЕСЬ МИР СТАЛ ДОМОМ

Франция, в которую невозможно не влюбиться

Если меня когда-нибудь спросят, какая страна в Европе стала для меня самой любимой, я отвечу сразу, не задумываясь — Франция. Не Италия с её яркой красотой и постоянным ощущением праздника. Не Испания, в которой я прожила много лет и научилась никуда не спешить, медленно пить утренний кофе и различать времена года не по температуре воздуха, а по цвету моря и запаху цветущих деревьев.

Именно Франция. Наверное, потому, что это страна, по которой невозможно устать путешествовать. Она меняется каждые несколько часов дороги. Ты выезжаешь из одного пейзажа и через некоторое время оказываешься в совершенно другом мире.

На Лазурном Берегу всё выглядит так, будто жизнь создана для удовольствия и красоты. В портах стоят яхты, мужчины носят белые рубашки даже вечером, старые отели до сих пор хранят атмосферу начала прошлого века, а тёплый морской воздух смешивается с запахом соли, цветов и дорогого парфюма. Здесь легко понять, почему именно этот берег так любили писатели, актёры и люди, для которых эстетика была не роскошью, а частью жизни.

Потом начинается Прованс. Здесь дороги проходят сре-

ди виноградников, маленьких деревень и бесконечных полей лаванды. Летом воздух становится горячим и тяжёлым от запаха трав, а тишина здесь настолько особенная, что её невозможно забыть. Слышны только цикады, и через некоторое время начинаешь понимать, почему именно в этих местах так любили жить художники, писатели и люди, которым хотелось уйти подальше от большого мира. Здесь жил и работал Винсент Ван Гог, здесь искал свой свет Пабло Пикассо, здесь проводила время Франсуаза Саган. И дело даже не в громких именах, просто в Провансе есть редкое ощущение, что жизнь может течь медленнее и при этом оставаться полной.

А потом начинается Нормандия, и это уже совсем другая Франция. Холодный ветер, серое море, высокие скалы Этрета, суровое побережье Ла-Манша и ощущение очень долгой истории. Именно в Нормандии особенно ясно понимаешь возраст этой страны. Нет, не старость, а именно возраст — накопленный веками опыт, который чувствуется в городах, церквях, каменных домах и самой атмосфере места.

Франция вообще удивительно умеет хранить своё прошлое. Кажется, что каждый её город помнит королей, революции, войны, великие романы и семейные истории обычных людей. История здесь не отделена от повседневной жизни и не спрятана исключительно в музеях. Она присутствует на улицах, в старых кафе Парижа, в замках Луары, в садах Версаля.

Версальский дворец до сих пор остаётся одним из самых впечатляющих дворцов мира. Когда Людовик XIV строил его, он хотел создать не просто резиденцию, а символ страны, который должен вызывать восхищение своим великолепием. И даже сегодня люди ходят по его залам гораздо тише, чем в других музеях, словно сама обстановка невольно требует определённого уважения.

Да, именно французы сделали эстетику частью своего национального характера. Они умеют относиться к красоте как к естественной составляющей жизни. Даже маленькое кафе здесь выглядит так, будто его тщательно продумали. Даже обычный завтрак не кажется случайным набором продуктов, а воспринимается как часть привычного жизненного ритуала.

Поэтому, несмотря на мою долгую жизнь в Испании, я всё равно скажу, что Франция для меня остаётся самой эстетичной страной Европы.

Помню, когда я только познакомилась с моим будущим мужем, Виктором II, он почти сразу спросил:

— А ты была в Париже?

Я засмеялась. Ну конечно, была, наверное, раз пять, а может быть, и больше. Тогда он сказал фразу, которую я запомнила надолго:

— Хорошо. Тогда я покажу тебе свой Париж.

И это действительно оказалось очень романтично, потому что он показал мне именно свой Париж. Не тот, который

изображают на открытках и включают в обязательные туристические маршруты. Это был Париж утренних булочных, где пахнет горячим хлебом и кофе. Париж мокрых мостовых после дождя. Париж маленьких винных баров, куда редко заходят туристы. Париж долгих прогулок вдоль Сены поздно вечером, когда город кажется спокойнее и старше, чем днём.

Для моего Виктора II Париж существовал не просто как город, он был частью его представлений о красивой жизни. Ему очень хотелось увидеть Лидо и «Мулен Руж», словно французское кино шестидесятых продолжало жить именно там, среди красного бархата, бокалов шампанского и музыки, которая меняет настроение человека ещё до того, как он это осознаёт.

Но больше всего он ждал вечера на Сене. Мы поднялись на кораблик уже после заката. На столах горели небольшие лампы, пахло свежим хлебом и ночной рекой, играл саксофон. Париж медленно проплывал мимо нас: старые мосты, освещённые окна, чёрная вода и сверкающая Эйфелева башня.

Виктор не говорил ни слова, он просто смотрел вокруг с тем выражением лица, которое иногда появляется у человека, когда реальность наконец совпадает с его давней мечтой.

Именно тогда мне пришла в голову мысль, что мужчины тоже иногда приезжают в Париж не ради женщин. Они приезжают туда ради своего собственного представления о красоте жизни.

А у меня была другая мечта. Мне так хотелось хотя бы раз войти в дом на улице Камбон, 31, где жила и работала Коко Шанель, подняться по знаменитой зеркальной лестнице, по которой когда-то спускались модели, пока сама Шанель наблюдала за показами сверху. Мне было интересно почувствовать атмосферу этого места, увидеть пространство, где создавался целый стиль жизни, повлиявший на несколько поколений женщин.

Помню, меня всегда поражало, как настоящая французская роскошь почти никогда не бывает демонстративной. Чёрное платье, нитка жемчуга, твидовый жакет, бокал шампанского в баре Ritz Paris, где Коко Шанель прожила больше тридцати лет, всё это существует без необходимости что-либо кому-либо доказывать.

И, конечно, мне хотелось свою маленькую чёрную сумку Chanel. Меня не интересовал статус, просто любой женщине иногда хочется прикоснуться к собственной мечте, какой бы материальной она ни была. Ведь мы живём в реальном мире, где существуют красивые вещи, запах хороших духов, вечерний Париж и предметы, которые становятся частью личной истории. И мужчины, которые умеют исполнять наши маленькие мечты, любимы нами немного больше не из-за денег и не из-за стоимости подарка, а потому, что вместе с ним они дают редкое ощущение: меня видят, слышат и понимают.

Конечно, Франция всегда умела создавать яркие женские образы.

Брижит Бардо стала символом целой эпохи. Катрин Денёв многие десятилетия остаётся воплощением французской элегантности. Жанна Моро была одной из главных актрис французской новой волны. Марион Котийяр продолжила эту традицию уже в современном кино.

Но особое место в этом ряду занимает Коко Шанель. Меня всегда восхищало, что её влияние связано не столько с модой, сколько с умением изменить представление женщин о себе. Она показала, что элегантность может быть спокойной, удобной и не нуждаться в демонстративности.

Вообще Франция умеет делать красоту частью повседневной жизни, притом не обязательно дорогой и показной. Она может проявляться в старом кафе, в ухоженной городской площади, в привычке красиво сервировать завтрак или в умении бережно сохранять здания, которым несколько сотен лет.

Наверное, поэтому я снова и снова возвращаюсь во Францию. Любое предложение поехать в Париж я принимаю почти не раздумывая. Приглашение на Лазурный Берег вызывает такую же реакцию.

Да, за годы путешествий Франция перестала быть для меня просто страной на карте. Она стала местом, куда хочется возвращаться не ради достопримечательностей, а ради особого ощущения жизни, которое каждый раз находишь там заново.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.